

— Учитель...

Цзян Ту уже привычным, отточенным жестом слегка ущипнул Е Хуая за щеку:

— Тихо.

Зачерпнув подушечкой пальца немного мази, он бережно нанес прозрачный состав на ссадину. Едва целебный бальзам коснулся израненной кожи, как порезы начали затягиваться прямо на глазах, оставив после себя лишь бледную розовую полоску.

Закончив с лицом Е Хуая, Цзян Ту слегка повернул его голову из стороны в сторону, оценивая результат. Теперь юноша выглядел гораздо лучше: когда сошли отеки и синяки, он снова превратился в миловидного, светлого подростка.

Ресницы Е Хуая мелко подрагивали. Снадобье, сваренное на ледяной траве и мяте, от тепла его тела таяло, отдавая резким, пронизывающим холодом — казалось, будто в щеках проделали сквозные отверстия, сквозь которые со свистом сквозит морозный ветер.

Однако Цзян Ту стоял совсем рядом. Склонив голову, он сосредоточенно обрабатывал кожу Е Хуая, и его длинные ресницы отбрасывали на бледные скулы густые, мягкие тени.

Е Хуай невольно залюбовался им. Пусть вчерашний враг Чэн Се вызывал у него лишь отвращение, брошенная тем фраза о том, что связь наставника и ученика — вещь глубоко личная и сокровенная, прочно засела в памяти мальчика.

Мысль о том, что отныне он действительно официально признан учеником Цзян Ту, кружила голову, словно сладкий сон. Устремив сияющий взгляд янтарно-золотых глаз на мужчину, мальчик не сдержал рвущейся изнутри чистой радости, и его лицо озарилось счастливой улыбкой.

Подняв взгляд, Цзян Ту наткнулся на эту донельзя восторженную и капельку глупую гримасу. «Чего это малец так ухмыляется? — промелькнуло в мыслях. — Неужто головой при падении приложился?»

Он мягко перехватил тонкое запястье Е Хуая, проверяя пульс. Физически тот был абсолютно здоров, разве что сердце колотилось как безумное от избытка чувств.

— И чему ты так радуешься? — любопытствовал Цзян Ту.

Улыбка подростка стала еще шире — сейчас он до безумия напоминал преданного пса, бурно виляющего хвостом перед хозяином.

В свои десять с небольшим лет он оставался ребенком. Рядом с тем, кому доверял безраздельно, Е Хуай отбросил всякую настороженность и признался со всей детской искренностью:

— Учитель! Мне никогда в жизни не было так хорошо! Сегодня... самый счастливый день за всю мою жизнь!

Цзян Ту слегка изогнул губы в полуулыбке:

— Твоя жизнь только начинается. Она будет очень долгой.

Мальчик непонимающе моргнул.

— Глупыш, — мягко пояснил Цзян Ту. — Впереди тебя ждет немало дней, которые принесут куда больше радости.

Всего лишь обряд ученичества, а мальчишка готов сиять ярче солнца.

Е Хуай согласно закивал, хотя едва ли до конца осознал смысл слов.

— С учителем мне хорошо каждый день! Сегодня — радостнее всего, а завтра и послезавтра будет еще лучше...

Он принялся загибать пальцы, пытаясь сосчитать грядущие счастливые дни, но на середине счета сладко зевнул.

Сонливость мгновенно одолела его уставший разум. Веки потяжелели, голова начала мерно покачиваться, пока наконец — случайно ли, или по хитрому умыслу — послушно не опустилась прямо на грудь Цзян Ту.

Малец осмелел настолько, что даже уютно потерся лбом о чужое плечо.

Сделав вид, будто не заметил этой ребяческой уловки, Цзян Ту подхватил мальчика под колени и, легко подняв на руки, направился к постели.

Скромная бамбуковая хижина была тесной — всего пара шагов отделяла чайный столик от ложа. Не успел Цзян Ту дойти до кровати, как ухо уловило ровное, глубокое сопение. Взглянув вниз, он обнаружил, что Е Хуай, намертво вцепившись пальцами в его плечо, действительно мгновенно провалился в сон.

Цзян Ту лишь покачал головой.

Впрочем, винять его не стоило. Поднявшись задолго до рассвета, паренек успел обойти половину территории Ордена Прихода и Ухода, а в полдень столкнулся с Чэн Се. Пусть их противостояние длилось меньше часа, душевное и физическое напряжение этого боя выжало юношу до капли.

Что говорить о неопытном ребенке, когда даже сам Цзян Ту чувствовал глухую, наваливающуюся усталость.

Подойдя к постели, он попытался уложить соню, однако спящий крепко сжал пальцы на его одежде. Попробовав дважды разомкнуть эти судорожно сжатые ладошки и не преуспев, Цзян Ту тихо вздохнул и оставил бесплодные попытки.

Бессмертному телу почти не требовался отдых, да и к удобствам Владыка преисподней никогда не стремился. Он просто устроился на краю постели, бережно прижимая к себе Е Хуая, полусидя прислонился к изголовью и прикрыл глаза, погружаясь в легкую дремоту.

На следующее утро.

Когда Е Хуая ласково растолкали, его сознание еще блуждало в полусонном тумане. Он смутно помнил, как притворился спящим, чтобы поудобнее устроиться в объятиях Цзян Ту, помнил ощущение полета, когда его несли... а дальше — лишь глубокая, спасительная тьма без сновидений.

Стоило ему приоткрыть веки, как он тут же наткнулся на внимательный взгляд красивых, раскосых глаз наставника. Мальчик рефлекторно расплылся в сонной улыбке:

— Учитель...

Цзян Ту сдержанно кивнул в ответ:

— Выспался?

— Очень хорошо, учитель! — Е Хуай бодро вскочил. — Словно и не было никакой усталости, сил хоть отбавляй!

Цзян Ту иронично изогнул бровь:

— Неужели?

Подросток гордо расправил плечи:

— Именно так!

— Вот и славно, — на губах Цзян Ту промелькнула редкая, но теплая улыбка. — Раз полон сил, обувайся и идем. Сегодня состоится церемония вступления нового главы ордена в должность.

Е Хуай послушно спрыгнул на пол и быстро натянул сапоги. Дождавшись его, Цзян Ту направился к выходу из дома.

Снаружи их уже поджидал Чэн Жан.

За последние сутки мужчина сильно изменился, сделавшись непривычно тихим и задумчивым. Лишь заметив их появление на пороге, он попытался выдавить из себя приветливую улыбку и церемонно сложил руки перед грудью:

— Господин Цзян.

Цзян Ту придирчиво оглядел его заросшие щетиной щеки:

— Неужели будущий глава ордена предстанет перед учениками в столь неподобающем виде?

Чэн Жан неловко коснулся подбородка и виновато усмехнулся:

— Не успел привести себя в порядок... Да и неважно это, церемония — чистая условность.

В конце концов, единственный соперник, который мог бы оспорить его право на власть, больше никогда не явится на это собрание.

Произнося это, Чэн Жан заметно помрачнел. Глядя на его поникшие плечи, Е Хуай почувствовал укол жалости. Мальчик понимал: новому главе Ордена Прихода и Ухода не нужна была эта власть. Куда больше он хотел бы стоять плечом к плечу со своим шиди, Чэн Се, вместе направляя их общий дом к процветанию.

В молчании они направились к Главному залу ордена.

На полпути Чэн Жан негромко спросил:

— Господин Цзян, куда вы планируете держать путь после того, как завершится ритуал укрепления Барьера Небесной реки?

Их изначальный договор действовал лишь до момента, пока Цзян Ту не поможет Ордену Прихода и Ухода заделать прорехи в небесном своде. Для чужака оставаться в ордене дольше положенного не имело смысла.

— Еще не решил, — спокойно отозвался Цзян Ту.

Рядом с ним находилось Дитя судьбы, само по себе привлекавшее чистейшую духовную энергию. Развивать свои силы Е Хуай мог в любом уголке поднебесной, так что место не имело значения.

Лицо Чэн Жана просветлело:

— Раз вы никуда не торопитесь, возможно, задержитесь у нас? Скоро в ордене начнется торжественная церемония посвящения в ученики. Юный господин Е ведь еще не прошел официальный обряд принятия под ваше крыло? Проведем его вместе с нашими ребятами, будет шумно и весело.

Цзян Ту собирался было отказаться — пустая суета и шумные сборища всегда наводили на него тоску. Но, опустив взгляд, он увидел сияющие надеждой глаза Е Хуая. Мальчик не смел просить вслух и лишь безмолвно умолял:

— Учитель...

Уже сбившись со счета своим уступкам этому сорванцу, Цзян Ту тихо вздохнул:

— Хорошо. В таком случае мы задержимся в гостях у главы ордена еще на несколько дней.

Мальчишка с трудом сдержал восторженный писк. Казалось, за его спиной вот-вот вырастет пушистый хвост и заметет из стороны в сторону от безумного счастья. Он едва преодолел искушение снова уткнуться наставнику в грудь — удержало лишь присутствие постороннего свидетеля.

Посчитав вопрос решенным, Чэн Жан воодушевился:

— Знаете, если вам действительно пока некуда податься... не сочтите за дерзость, но не хотели бы вы остаться в Ордене Прихода и Ухода навсегда в качестве почетного старейшины?

Цзян Ту удивленно вскинул брови:

— Подобное едва ли согласуется с вашими устоями.

— Насчет этого можете не беспокоиться, — Чэн Жан взъерошил волосы на затылке. — Это мое личное желание. Орден Прихода и Ухода сейчас... сами видите, в каком положении. Я один просто не справлюсь. Пожалуйста, подумайте над моим предложением. Время еще есть.

Цзян Ту прекрасно его понимал. Ситуация напоминала удаление запущенной опухоли: избавляясь от смертоносного очага болезни, целитель неизбежно срезал живую плоть, лишая тело последних сил. Орден Прихода и Ухода лишился Чэн Се, обладавшего силой третьего ранга. Без столь грозного защитника удержать позиции в Среднем царстве им будет неимоверно тяжело.

Орден отчаянно нуждался в могущественном покровителе, и Чэн Жан пошел на этот шаг ради выживания своих людей. С одной стороны, предложение сулило выгоду: Е Хуай обладал истинной костью Циляня, и если они продолжат бесконечные странствия, рано или поздно на них наткнутся охотники за сокровищами. С другой — оседлая жизнь могла обернуться золотой клеткой. Цзян Ту терпеть не мог никаких обязательств, да и репутация Ордена Прихода и Ухода в его глазах была изрядно подмочена.

Но рубить с плеча он не стал, оставив лазейку для отступления:

— Хорошо. Я обдумаю это.

За разговором они не заметили, как подошли к величественным дверям Главного зала.

Чэн Жан мгновенно подобрался, лицо его приняло торжественное выражение. Повернувшись к Цзян Ту, он искренне произнес:

— Господин Цзян, вы — спаситель нашего ордена. Лишь благодаря вашей доблести сегодня может состояться эта церемония. Прошу вас, разделите этот момент со мной и станьте моим почетным гостем.

Внутри Главного зала яблоку негде было упасть. Все пространство заполняли adeпты в форменных одеждах ордена. Чуть поодаль, у возвышения с тронном главы, чинно восседали старейшины. Посреди людского моря тянулся широкий проход, предназначенный исключительно для будущего лидера. Появление рядом с Чэн Жаном посторонних вызвало среди присутствующих волну недоуменных перешептываний.

Цзян Ту не обращал внимания на косые взгляды. Крепко держа за руку вертящего головой Е Хуая, он уверенно шагнул вперед. Ученики инстинктивно расступались перед его ледяной аурой, так что вокруг них сама собой образовалась пустая зона.

Служки торжественно облачили Чэн Жана в тяжелые парадные одежды главы. Шорох парчи не мог заглушить шепотки, змеящиеся под сводами зала:

— Старейшина Чэн Се сегодня на рассвете внезапно отказался от притязаний на титул главы... Что вообще стряслось?

— Да-да, я видел его вчера утром, он был в полном здравии. Думаете, тут замешан наш новый глава?..

— Тсс! С ума сошел? Хочешь, чтобы тебе язык укоротили? Если Чэн Жан услышит...

Говорили вполголоса, но акустика Главного зала доносила сплетни до каждого угла. Похоже, Чэн Жан до последнего пытался сберечь репутацию названного брата и не стал раскрывать ученикам грязную правду о предательстве Чэн Се. Такое благородство заслуживало уважения, но с практической точки зрения это решение было крайне глупым: утаив истину, Чэн Жан добровольно подставил себя под удар нелепых слухов и подозрений.

Жать беды долго не пришлось. Не успел Чэн Жан дойти до середины зала, как из толпы раздался язвительный голос:

— Вчера на склоне горы прогремел страшный взрыв, будто два великих мастера сошлись в смертельной схватке. Наш будущий глава не желает просветить нас, что там произошло?

Цзян Ту скользнул взглядом по говорившему. Тот явно принадлежал к фракции Чэн Се, а во время вчерашней битвы трусливо отсиживался в стороне.

Чэн Жан замер. Тяжело опустив ножны своего палаша на каменный пол, он холодно бросил:

— К чему эти намеки? Говори прямо, чего хочешь.

Смутянь презрительно ухмыльнулся, отбрасывая приличия:

— Почтенный Шаофу вчера был полон решимости занять трон главы! А сегодня на рассвете без объяснения причин снимает свою кандидатуру. Любому дураку ясно, что здесь дело нечисто! Признайся, что ты с ним сделал? Я лично ходил к его покоям — там пусто! Куда ты девал старейшину Чэн Се?

По залу прокатился тревожный ропот. Внезапное исчезновение вчерашнего фаворита наводило на самые мрачные мысли.

Чэн Жан нахмурился, стараясь говорить твердо:

— В Нижнем царстве возникли непредвиденные трудности. Чэн Се отправился туда для их скорейшего устранения.

Но подстрекатель не думал отступать:

— Отбыл в Нижнее царство? Какое совпадение! Если это правда, то свяжись с ним прямо сейчас через передатчик душ! Нам хватит и пары его слов, чтобы замолчать навсегда!

Чэн Жан смерил его ледяным взглядом:

— Если из-за твоих капризов пострадает важное дело ордена, ты лично ответишь за последствия?

Заклинатель на миг стушевался, но тут же упрямо вздернул подбородок:

— Тогда объясни, откуда взялся вчерашний грохот на горе!

«Этого ты объяснить не сможешь», — бесстрастно заключил про себя Цзян Ту. Возможность пресечь слухи на корню была упущена, и теперь Чэн Жан пожинал плоды собственной мягкотелости. Цзян Ту не собирался вмешиваться — их соглашение не обязывало его разыгрывать роль няньки для нерешительного лидера.

Чэн Жан тяжело сглотнул:

— Вчера на священную территорию проник опасный призрачный зверь. Чтобы обезвредить его, старейшинам пришлось применить боевые техники. Отсюда и шум.

— За идиотов нас держишь?! — расхохотался зачинщик ссоры, и его сторонники тут же дружно подхватили этот издевательский смех. — Мы в Среднем царстве! С каких это пор дикие твари свободно разгуливают под защитой наших барьеров?

Чэн Жан попытался вставить слово, но его перебил громкий, сердитый окрик.

— Ту, закрой пасть и уймись наконец! — подал голос Ци Цзинюань. — Я лично присутствовал при поимке этого чудовища! Огромный кабан чуть не разнес половину склона. Если не веришь, посмотри на меня — эти увечья я получил, пытаюсь помочь новому главе сдержать тварь!

Всем было известно, что Ци Цзинюань водил тесную дружбу с Чэн Се и являлся одной из ключевых фигур его окружения. Тот факт, что сейчас он открыто выступил в защиту Чэн Жана, заставил смутьянов усомниться в собственной правоте. Заклинатель по фамилии Ту растерянно замолчал, бросая на перевязанную руку Ци Цзинюаня красноречивые взгляды, полные сомнения — мол, «какой еще к черту кабан мог такое сотворить?», — но спорить дальше не решился. Сам же Ци Цзинюань смерил Чэн Жана свирепым взглядом, после чего демонстративно отвернулся.

Цзян Ту мысленно отметил этот жест. Надо же, этот высокомерный подхалим, всегда искавший выгоду, в критический момент сумел наступить на горло собственной гордости ради спасения чести ордена. Человеческая душа поистине полна противоречий.

Лишившись поддержки зачинщиков, оппозиция притихла. Дальнейший путь Чэн Жана к престолу прошел без помех. Он медленно шел вдоль рядов старейшин, и каждый из них поочередно касался рукояти его палаша, вливая в лезвие частицу своей духовной силы. В Ордене Прихода и Ухода оружие считалось продолжением души воина: признать палаш нового лидера означало присягнуть на верность ему самому. Под воздействием десятков потоков чистейшей энергии клинок Чэн Жана вспыхнул ослепительным сиянием, словно усыпанный мириадами драгоценных камней.

Оставался последний шаг. Чэн Жан занес ногу над верхней ступенью, отделявшей его от трона главы.

Бум!

Земля под ногами содрогнулась с такой силой, словно сам небосвод обрушился на гору. Стены Главного зала застонали, по великолепному куполу из закаленного стекла змеями побежали глубокие трещины. Каменные плиты заходили ходуном, грозя похоронить всех присутствующих под обломками.

Цзян Ту среагировал мгновенно: рванув к себе побелевшего от страха Е Хуая, он укрыл его в своих объятиях. В следующую секунду в зал ворвался ураганный поток ледяного Дыхания скверны, сокрушая все на своем пути.

Грохот! Треск! Обвал!

Главный зал не выдержал чудовищного напора. Несущие колонны лопались, как сухие щепки, и тонны каменной кладки вместе со стеклянной крышей лавиной обрушились на головы обезумевших от ужаса заклинателей.

Прошло томительно много времени, прежде чем гул улегся. Наконец, груда завалов шевельнулась, и мощный импульс духовной энергии с грохотом раскидал тяжелые обломки в стороны.

Цзян Ту опустил взгляд на прижавшегося к нему подростка. Еще до того, как скверна накрыла здание, он успел воздвигнуть невидимый защитный барьер, так что Е Хуай не пострадал и лишь испуганно сжимался в его руках, точь-в-точь как взъерошенный птенец.

— Учитель... — робко прошептал мальчик, поднимая глаза. — Что... что случилось?

— Зал обрушился, — коротко бросил Цзян Ту.

То, что крыша упала, Е Хуай видел и сам. Но Главный зал строился на века и был защищен мощнейшими заклятиями — какая сила могла мгновенно стереть его с лица земли?

Цзян Ту мягко повернул его голову в сторону пролома.

Увиденное заставило мальчика оцепенеть.

Иссиня-черные клубы скверны, подобные грозовому фронту или сокрушительному селю, лавиной катились с вершины горы. Пышные зеленые рощи и изящные пагоды при первом же соприкосновении с этой мертвой тьмой мгновенно иссушались, чернели и рассыпались прахом, являя взору жуткие остовы былого величия.

Е Хуай инстинктивно попятился, упершись спиной в грудь наставника. От ужаса у него перехватило дыхание:

— Откуда... откуда ее столько?!

Потоки скверны во много раз превосходили все, что они видели в Деревне Множества Благословений. Чтобы породить столь колоссальное бедствие, потребовалась бы одновременная ярость как минимум сотни свирепых призрачных зверей. Черная волна еще не достигла руин Главного зала, но один лишь отголосок ее мощи с легкостью превратил величественное здание в пыль.

Цзян Ту хмуро смотрел на приближающийся катаклизм. Лицо его оставалось маской холодного спокойствия, но сам он внутри ощущал лишь нарастающее раздражение.

Вокруг послышался шорох осыпающихся камней — уцелевшие адепты и старейшины принялись выбираться из-под завалов. Опытные заклинатели отделались испугом да слоем серой пыли на одеждах, но молодым ученикам повезло куда меньше. Твердые осколки купола нанесли многим глубокие раны и переломы. Повсюду раздавались стоны боли и призывы о помощи.

Неподалеку Цзян Ту заметил Чэн Жана. Тронное возвышение приняло на себя самый тяжелый удар. Левое предплечье нового главы было рассечено до самой кости — очевидно, в решающий миг он успел закрыть голову руками, защищая жизненно важные меридианы.

Стиснув зубы от боли, Чэн Жан перехватил палаш и с силой вонзил его рукоять в землю. Тотчас от острия во все стороны разошелся защитный барьер. Перед лицом смертельной опасности мужчина проявил завидное самообладание:

— Старейшина Мяньюнь, господин Цю! Немедленно соберите всех, кто может держать оружие, активируйте оборонительный массив ордена и начинайте эвакуацию раненых к подножию горы, куда еще не добралась скверна!

— Старейшина Шучэнь! Срочно отправьте вестника на гору Просветленного Сердца... Сообщите, что Барьер Небесной реки в уезде Наньту полностью уничтожен! Нам жизненно необходима помощь!

Старейшины без лишних слов бросились исполнять приказы. Чэн Жан повернулся к Цзян Ту, его взгляд был полон вины и мольбы:

— Простите, господин Цзян, что втянул вас в этот кошмар. Могу ли я просить вас помочь моим людям с эвакуацией раненых? Если вы поддержите наш защитный купол своей силой, наш долг перед вами будет неоплатим.

Цзян Ту пропустил просьбу мимо ушей, задав встречный вопрос:

— А сам ты что намерен делать?

В глазах Чэн Жана вспыхнула фатальная решимость:

— Я — глава Ордена Прихода и Ухода. Мой долг — любой ценой восстановить Барьер Небесной реки.

Цзян Ту ответил безжалостно прямо:

— С такой скоростью скверна поглотит эти склоны меньше чем за четверть часа. Ты даже до разлома не успеешь, как тебя разорвут на части полчища призрачных зверей.

Прорвав границу, твари Нижнего царства хлынут нескончаемым потоком. В одиночку отбиваться от них и одновременно латать брешь в небесах — задача невыполнимая. Чэн Жан и сам понимал, что идет на верную смерть.

Он горько усмехнулся:

— Наш орден веками стоял на страже покоя смертных... Господин Цзян, в уезде Наньту у подножия живут тысячи невинных людей. Если скверна прорвется сквозь наши рубежи, начнется резня. Я обязан остановить их здесь.

— Я иду с тобой, — отрезал Цзян Ту.

Чэн Жан ошеломленно уставился на него:

— Что?! Господин Цзян, это безумие, я не могу позволить вам так рисковать своей жиз...

Цзян Ту раздраженно поморщился:

— Избавь меня от глупых препирательств, я не спрашивал твоего позволения. Каждая секунда твоей пустой болтовни стоит жизни кому-то внизу, в уезде Наньту.

Чэн Жан смолк, в уголках его глаз блеснули слезы. Он понимал: этот загадочный мастер рискует собой вовсе не ради него или угасающего ордена. Его вела лишь забота о незащищенных людях там, внизу.

— Благодарю вас... — выдавил из себя Чэн Жан, низко склонив голову. — Люди уезда Наньту никогда не забудут вашего подвига.

Цзян Ту повернулся к замершему рядом мальчику, но прежде чем он успел раскрыть рот, Е Хуай мертвой хваткой вцепился в его одежды:

— Учитель, молю, возьмите меня с собой!

Заметив протест во взгляде наставника, подросток отчаянно затараторил:

— Если вы оставите меня здесь, я все равно побегу следом! Пусть смерть... но я встречу ее только рядом с вами!

—... — Цзян Ту недовольно нахмурился и чувствительно ущипнул его за щеку. — Глупый щенок. Кто позволил тебе бросаться такими словами?

Прорыв барьера спутал все карты. Е Хуай со своими жалкими крохами духовных сил был абсолютно незащищен перед лицом такой угрозы. Но оставлять Дитя судьбы на попечение растерянных старейшин Ордена Прихода и Ухода казалось еще более опасным предприятием — надежнее было держать сорванца перед глазами.

Слегка потянув мальчика за ухо, Цзян Ту строго спросил:

— Уроки фехтования, что я давал тебе, еще не выветрились из твоей глупой головы?

Поняв, что это его шанс, Е Хуай закивал с неистовой силой:

— Все помню! До единого движения, учитель! Клянусь, я не стану для вас обузой, умоляю, не прогоняйте меня!

«Словно твои клятвы могут уберечь от когтей призрачных зверей», — мысленно вздохнул Цзян Ту, но все же легко подхватил мальчишку одной рукой, прижимая к себе:

— Держись ближе ко мне. Если мы разлучимся, береги Замок долголетия на груди. В нем заключена моя сила — пока он цел, я всегда смогу отыскать тебя. Понял?

Эти слова наполнили сердце подростка абсолютным спокойствием.

— Понял, учитель!

Цзян Ту коротко кивнул Чэн Жану, и в следующее мгновение их силуэты растаяли в воздухе, устремляясь сквозь бушующую бурю прямо к разлому в небесах.

С их уходом на разрушенной площади закипела работа. Под руководством старейшин уцелевшие адепты спешно растаскивали завалы и уносили раненых. Никто не обратил внимания на одинокую фигуру заклинателя, который долго и пристально смотрел вслед исчезнувшему Цзян Ту. Спустя мгновение этот человек бесшумно скользнул в тень и растворился среди руин.

Лишь много позже один из учеников недоуменно огляделся по сторонам:

— Послушайте, а куда делся Шэнь Синь? Только что ведь стоял рядом... Странно все это.

Чем выше они поднимались, тем плотнее становилась завеса скверны. Воздух превратился в вязкую, черную жижу, сквозь которую едва пробивались крохи дневного света. Теневая сторона смертного мира уверенно и беспощадно пожирала последние островки чистой земли.

Чэн Жан уверенно вел их потайными тропами, полагаясь на память. Из клубящегося тумана то и дело доносились тяжелые шаги и хриплое дыхание чудовищ, но благодаря наложенному Цзян Ту заклятию сокрытия следов им удавалось оставаться незамеченными для рыщущих поблизости призрачных зверей.

Внезапно позади них в небо ударил мощный столб золотистого света, пробивая тьму подобно маяку в бушующем океане.

Воспользовавшись этой короткой вспышкой, Чэн Жан указал на едва заметную расщелину в скале:

— Нам туда!

Цзян Ту быстро последовал за ним, продолжая удерживать маскирующий барьер:

— Что это за сияние?

— Защитный массив ордена, — не оборачиваясь, бросил Чэн Жан. — До прочности Барьера Небесной реки ему далеко, но он задержит тварей у подножия еще на какое-то время...

Фьють!

Цзян Ту резким движением руки послал в темноту алое лезвие цветка туми. Мягкий на вид лепесток, заряженный чистой смертоносной энергией, беззвучно перерезал горло притаившемуся в тумане призрачному зверю.

Тяжелая туша с глухим стуком повалилась на камни.

— Смотри под ноги, — бесстрастно обронил Цзян Ту.

— Моя благодарность, господин Цзян, — выдохнул Чэн Жан, утирая холодный пот.

Пробегая мимо поверженного врага, Цзян Ту мельком взглянул на него. Несмотря на глубокую рану на шее, лапы чудовища продолжали судорожно дергаться — живучесть этих тварей была поистине пугающей.

— Обычные раны им нипочем, — пояснил Чэн Жан. — Нужно либо полностью сносить голову, либо бить точно в сердце. Их регенерация слишком сильна.

Именно поэтому мир заклинателей в свое время отказался от бессмысленных попыток истребить всех тварей преисподней, предпочтя отгородиться от них великим Барьером Небесной реки. Мера временная, но действенная. Отбросив лишние мысли, Цзян Ту ускорил шаг, не отставая от проводника.

Они продвигались все выше. Столкновения со зверями Нижнего царства происходили все чаще. Вступать в бой на каждом шагу было верхом глупости, поэтому Чэн Жан обнажал клинок лишь в самых крайних случаях, когда иного пути обойти врага не оставалось.

Цзян Ту взял на себя роль невидимого помощника. Он заблаговременно указывал Чэн Жану на засады чудовищ и уводил Е Хуая с траектории атак, когда очередная тварь выскакивала из тумана, щелкая клыками. Лишь когда ситуация становилась критической, Владыка преисподней наносил молниеносные удары, лишая монстров лап и позволяя Чэн Жану завершить дело одним точным взмахом палаша.

Их слаженная работа спасала жизни, но изрядно утомляла Е Хуая, которого Цзян Ту то и дело прижимал к боку, спасая от когтей врагов. Бесконечные прыжки и резкие развороты превратили мир перед глазами мальчика в безумный калейдоскоп. Он висел мешком, беспомощно болтая руками и ногами, чувствуя себя котенком, которого мать тащит за

загрибок из горящего дома.

Когда Цзян Ту наконец опустил его на твердую землю, колени подростка подогнулись, и он едва не рухнул в грязь, успев в последний момент вцепиться в широкий рукав наставника.

Кое-как справившись с головокружением, он поднял голову и замер от потрясения.

По его расчетам, именно здесь должна была проходить великая сияющая граница Барьера Небесной реки. Однако от былого великолепия не осталось и следа. Перед ними клубилась лишь беспросветная мгла, в глубине которой изредка вспыхивали блеклые искры разрушенного купола, похожие на осколки перламутровых раковин, растоптанных в пыли.

Е Хуай судорожно сглотнул:

— Он... он полностью разрушен.

До последнего мгновения мальчик надеялся, что в барьере образовалась лишь небольшая брешь, сквозь которую просочились твари. Но суровая реальность не оставила места иллюзиям. Великий Барьер Небесной реки не просто дал трещину — он разлетелся вдребезги.

В этот миг за спиной раздался шорох.

Почуввав смертельную опасность, Е Хуай инстинктивно выхватил меч и выставил его перед собой! Отразив коварный выпад из темноты, он покачнулся и отступил на несколько шагов. Нападавший ринулся вперед, желая добить раненого ребенка, но на его пути ледяной стеной вырос Цзян Ту.

— Чэн Се, советую тебе не делать глупостей, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес Цзян Ту.

Из вязкой тьмы в ответ донесся леденящий душу смех.

Из тумана показалась костлявая бледная рука. Одним резким жестом она разогнала клубы скверны, являя взору своего хозяина.

Всего за сутки Чэн Се изменился до неузнаваемости. На его осунувшемся лице застыла безумная, искаженная гримаса, а в глазах горел такой яростный огонь фанатизма, перед которым померкли бы даже самые лютые призраки. Тягучие нити скверны черными червями ползли по его ногам, время от времени с тихим шлепком срываясь в грязь.

Чэн Жан потрясенно выдохнул, его глаза расширились от ужаса:

— Это... этого не может быть!..

Чэн Се медленно перевел на него взгляд, скользнув по названому брату равнодушным, чужим взором:

— Мой дорогой шисюн удивлен? Тебе не терпится узнать, как никчемный калека сумел сбежать из темницы и самолично уничтожить великий Барьер Небесной реки?

Он медленно поднял руку. С каждым дюймом, на который поднималось его предплечье, с пальцев срывались черные капли скверны. Радужка его глаз окончательно растворилась во мгле, сделав взгляд абсолютно черным:

— Шисюн, господин Цзян... Не хотите ли испытать удачу и угадать?

Цзян Ту пристально посмотрел на его живот, окутанный плотными клубами черного тумана:

— Ты больше не принадлежишь к людскому роду.

Чэн Се разразился безумным хохотом:

— Ха-ха-ха! Ожидаемо проницательно, господин Цзян! Но вы правы лишь наполовину. Когда великий Владыка демонов ступит на эту землю, право на жизнь получают лишь те, кто склонит перед ним колени. Что же касается обычных людишек... они станут не более чем пищей для его величия!

Цзян Ту брезгливо поморщился:

— Окончательно лишился рассудка?

— Нет, я в полном уме! — Чэн Се уставился на оцепеневшего Чэн Жана. — Шисюн, ты ведь понимаешь меня, верно? Давай же, во имя нашей былой дружбы, я позволю и тебе прикоснуться к этой великой истине!

— Сумасшедшая тварь! — в ярости взревел Чэн Жан.

Палаш в его руках вспыхнул яростным пламенем. С диким криком он обрушил клинок на предателя, пустив по земле глубокую трещину. Однако разрушительная волна энергии бессильно увязла в нескольких дюймах от Чэн Се.

Плотная стена черного тумана всколыхнулась, без следа поглотив всю мощь удара. Порыв ветра отбросил полы плаща Чэн Се в стороны, являя присутствующим его истинное тело.

Это было ужасающее зрелище. Плоть иссохла настолько, что сквозь серую кожу отчетливо проступал костяной остов. В его животе зияла огромная сквозная дыра — внутренности без следа исчезли, оставив лишь засохшие кровавые ошметки на ребрах.

Е Хуая вывернуло от омерзения. Тонкое обоняние Циляня уловило тошнотворный, непереносимый запах разложения, исходивший от живого мертвеца.

Чэн Се с какой-то безумной гордостью продемонстрировал свое растерзанное нутро:

— Золотые ядра, ступени совершенствования... второй ранг, третий, земной или небесный предел — пред величием Владыки демонов все это лишь пыль под ногами! Шисюн оказался слишком глуп, чтобы принять этот дар. Ну а вы, господин Цзян? Жалкие смертные даже вообразить не могут, что такое истинное могущество. Вы действительно хотите отказаться от этой силы?

Цзян Ту разочарованно покачал головой:

— Сила, купленная ценой собственной души, обречена на тлен.

Чэн Се театрально вздохнул, и его лицо мгновенно приняло свирепое выражение:

— Какая жалость.

Земля под их ногами заходила ходуном. В ту же секунду из-под широких рукавов его одеяний хлынула лавина скверны, мгновенно отрезая пути к отступлению и беря троицу в глухое кольцо.

— Вы сами упустили свой последний шанс, — прошипел предатель. — Теперь я преподнесу вашу плоть Владыке в знак преданности.

Его безумный взгляд устремился прямо на Е Хуая. Под ногами напуганного подростка вспыхнул багровый, источающий скверну богохульный узор древнего проклятия.

Сердце Цзян Ту пропустило удар. С его ладони сорвался каскад алых лепестков туми, устремившись к сияющей печати, чтобы уничтожить ее.

Но они опоздали.

Черный туман воздвиг непроницаемый заслон, приняв весь удар на себя. Из багрового круга вырвались десятки костлявых, покрытых язвами рук призраков. Цзян Ту успел лишь протянуть руку навстречу испуганному мальчику, когда цепкие когти утащили того в бездну. Крик «Учитель!» оборвался на полуслове, и Е Хуай растворился во тьме.

<http://bllate.org/book/19047/1961151>